ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Теория исторических и социально-образовательных процессов

УДК 7.01

ВНАЧАЛЕ БЫЛА МУЗЫКА…

Н.В. Бобылева, *инженер Южно-Российского государственного технического университета, аспирант Южно-Российского государственного технического университета*

В статье рассматривается проблема генезиса музыки как вида искусства. На основе данных этнографии, лингвистики, фольклорных материалов и психологии показано значение специфического для человека ощущения музыкальных звуков, интонации и ритмики в процессе возникновения языка и религиозных представлений. Ритмико-интонационное оформление эмоционально насыщенной нарождающейся речи – это в то же время рождение музыки, которая по определению есть эмоционально насыщенное, подчиненное ритму расположение различных по силе, высоте и длительности звуков.

Ключевые слова: *генезис музыки, генезис речи, разделение труда, необходимость заполнения информационной лакуны, эмпатия и суггестия, образ отсутствующей ситуации, тема и рема ситуации, ритм, интонации, речепение, единство музыки и речи, религиозные представления и обрядовая музыка.*

С первых дней жизни каждый человек слышит музыку и благодаря этому знакомится с идеей прекрасного. Через музыку человек ощущает эстетику мира вообще и мира общественных отношений в частности раньше, чем знакомится с какими-либо другими видами искусства. Еще не умея говорить и не понимая человеческой речи, ребенок уже воспринимает ритмико-интонационные особенности (включая особенности национального языка) и высотно-временные интервальные характеристики музыкальных звуков; и их отличие от просто шумов, что называется, с молоком матери входит в плоть и в кровь каждого человека. Таким образом, музыка выступает чуть ли не начальным моментом социализации личности, ранним этапом ее становления. Это первый феномен культуры национальной и общечеловеческой, к которому человек приобщается, чтобы в последующем оказаться сопровождаемым им едва ли не на каждом шагу.

Принципиально удивительным, однако, является то, что человек слышит музыку даже тогда, когда она не звучит вовне его. Мысленное повторение, иногда даже многократно и навязчиво воспринятых когда-либо музыкальных фраз, воссоздание по памяти и создание музыкальных сюжетов с их полным реализма звучанием, но звучанием воображаемым, не есть признак измененного состояния сознания. Это-то как раз и естественно для нормальных людей. И даже более того: Давид своей музыкой лечил безумие царя Саула [1]. Пифагор усмирил музыкой безумного юношу [2, с. 18–19]. Тем самым, скорее, отсутствие способности слышать музыку внутри себя является отклонением от нормального психического состояния.

Однако есть индивиды, которые слышат внутри себя эти звуки еще более четко. П.И. Чайковский вспоминал, как в возрасте четырех или пяти лет он был удивлен и напуган голосами скрипок, звучавшими в нем самом, в его голове, и которых не было в действительности. Уже абсолютно глухой, только тактильно (взяв в зубы карандаш и приставив его к корпусу фортепиано) по вибрации инструмента воспринимающий звуки Бетховен создает Девятую симфонию, Двадцать девятую – Большую сонату для фортепиано, Шестнадцатый квартет и другое, которые как гегелевский абсолютный дух, существуя в себе и для себя, рождаются из его воображения [3, с. 31].

Изучением феномена музыки занимаются многие науки – это и музыкознание, и история музыкальной литературы, есть и теория музыки, и теория гармонии, и теория контрапункта и т.д. Существует и философия, и социология музыки [4].

Между тем есть проблема, которую старательно обходят своим вниманием как философы, так и теоретики музыки. Это – проблема ее происхождения в филогенезе искусства, хотя вопрос о происхождении искусства вообще пользуется определенной популярностью у культурологов, философов и искусствоведов. Поскольку музыка является одним из видов искусства, казалось бы, и она должна попадать в круг вопросов о стадиях развития художественного сознания. Однако этого не произошло, чему, конечно, существует вполне резонное объяснение.

Дело в том, что художественные творения в виде памятников изобразительного искусства (например, наскальная живопись или верхнепалеолитические статуэтки) хорошо сохранились, так как запечатлены в нетленном материальном носителе. Что же касается музыки, то в отношении ее наличествуют некоторые сложности. В частности, мы не имеем памятников музыкального народного творчества, которые сохранились бы до наших дней, хотя бы как фольклорное наследие, ранее XVII в. Между тем очевидно: музыкальный фольклор древнее профессиональной музыки композиторов уже потому, что этнографические исследования иллюстрируют наличие фольклорной музыки у существующих доныне неолитических племен. Равным образом наличие и использование в неолитических культурах музыкальных инструментов показано не только этнографическими исследованиями, но и археологическими данными. С необходимостью это означает лишь одно: в эпоху неолита музыка уже существовала. То, что европейская культура не сохранила образцов народных песен ранее XVII в., может быть объяснено впитыванием более древних музыкальных сюжетов их более поздними ремейками с заменой персонажей и событий, значительным взаимопроникновением профессиональной и народной музыки. Наличие же теоретических трактатов, относящихся к раннему средневековью и опирающихся на античное наследие, снова выводит нас к античной классике, а через нее к веку бронзы и к неолитическому времени как объективно доказуемому этапу в развитии человечества, когда музыка уже существовала.

Разумно, однако, поставить вопрос: не существовала ли она еще ранее того, несмотря на отсутствие прямых археологических свидетельств использования музыкальных инструментов – в мезолите, верхнем палеолите или даже в нижнем палеолите?

Резонность этого вопроса определена, во-первых, безусловным видовым единством искусства: если есть искусство в верхнем палеолите, должна была быть и музыка как его разновидность. Во-вторых, отсутствие прямых археологических данных, указывающих на изготовление музыкальных инструментов, не может дезавуировать тот факт, что голосовые звуки, производимые человеком, его руки и ноги уже являются источником музыки и могут быть использованы как музыкальные инструменты.

Сказанное заставляет поставить вопрос о происхождении искусства вообще в его родовом единстве с генезисом музыкального чувства и творчества.

Обычно, говоря о происхождении искусства, проблему формулируют так: происхождение языка, религии и искусства [5–16]. При этом подчеркивают триединство явления, когда возникновение одного из них оказывается невозможным без возникновения двух других. Однако анализ явления по необходимости носит характер

последовательного рассмотрения, что заставляет в первую очередь акцентировать внимание на генезисе ключевого феномена – языка.

Среди существующих концепций происхождения языка особой распространенностью отличается трудовая гипотеза. Согласно ей, язык как средство общения, средство передачи информации появляется в процессе усложнения производственной деятельности, требующей передачи опыта и распределения трудовых функций, для управления самим процессом производства и организации/самоорганизации коллективной трудовой деятельности [17, с. 195–197].

При кажущейся логичности данной концепции она все же не выдерживает критики фактами. Под сомнение ее истинность была поставлена еще в 60-е гг. XX в. Б.Ф. Поршневым [18, с. 164–182, 403–416].

Другим аргументом против передачи трудового опыта с использованием языка (речи) служит тот факт, что даже при обучении таким сложным трудовым функциям, как токарное или фрезерное дело мастер, как правило, ограничивается использованием крайне незначительного набора слов, значение которых различается по голосовым интонациям. Иначе говоря, информация сообщается посредством выражения эмоций в значительно большей мере, чем смысловым насыщением собственно слов, которые в отрыве от ситуации его не имеют или, точнее, могут быть поняты совершенно иначе.

Характерно в этом отношении то, что этнографические исследования показывают, что при обучении трудовым операциям, от изготовления орудий охоты до охотничьих приемов, от обучаемых и обучающих требовалось воздержание от разговорной речи и интуитивное схватывание сущности производимых действий.

С этих же позиций может быть подвергнута критике и идея необходимости использования языка для управления и распределения функций при организации трудовой деятельности. Первое не требует речи, как об этом свидетельствует сама этимология слова «руководить». Второе определено наличествующими традициями. Так, скажем, при распределении функций для загонной охоты роль и действия родов обусловлены их местом в системе старшинства и устоявшимися обычаями.

Б.Ф. Поршнев, предлагая иную трактовку проблемы, обратил внимание на возникновение в эпоху мустье дифференцированных орудий труда. Помимо давно известного каменного рубила из отщепов пластин, изящно обработанных ретушью, изготавливаются резцы и скребки, дополняемые костяными проколками. Это свидетельствует об общественном разделении труда по половому признаку. Наступившее похолодание вызвало необходимость производства одежды из шкур животных, что потребовало их специфической обработки: разрезания, очистки от мездры, дубления, осуществлявшегося с использованием естественной кислотно-щелочной среды ротовой полости. Этим разделением труда объясняется сточенность зубов в черепах женских скелетов (мустье, а в основном – верхний палеолит и мезолит).

Разделение труда обусловливает возникновение временной информационной лакуны между разведчиками-следопытами и остальной частью общины, охотниками, ушедшими со стойбища, и оставшимися на стоянке. Данный информационный разрыв требует ликвидации для сохранения целостности родового коллектива. Тем самым возникновение речи относится к посттрудовой деятельности (общению), а не к собственно трудовым операциям [19, с. 82–87].

В условиях отсутствия языка восполнение названной информационной лакуны объективно возможно лишь посредством создания образа ситуации, уже не существующей, в которой непосвященные не присутствовали. Создание данного образа возможно лишь в том случае, если индивиды сообщества обладают, с одной стороны, развитой эмпатией, а с другой – суггестией [20, с. 416–442], которые подкрепляются и усиливаются знаками, в том числе и возникающей второй сигнальной системы, или, иначе говоря, обладают способностью мыслить отсутствующей ситуацией. Такая способность дает возможность по совокупности условных символов ситуации (поз, жестов, мимики,

эмоциональных выкриков) представить ее в достаточно полном объеме. Но при этом требуется закрепление за ситуациями определенных знаков, которые, выступая ее «темой», задают ее образ, воспроизводимый в менталике индивидов сообщества. В то же время изображаемое суггестором в своей конкретике выступает «ремой» представляемой ситуации [21, p. 48–64]. Такая совокупность знаков должна обладать безусловным единством. Выражение ментальных образов в знаковой системе (во внешней речи) означает их объективацию, а во внутренней речи – подчинение выражения мысли логике поведенческих форм. Таким образом, язык как знаковая система помимо общепризнанных функций (коммуникации, регуляции и программирования) выполняет еще и функцию синхронизации ментальных процессов индивидов вследствие упорядочивания и структурирования представляемых образов [22, с. 180–182]. Приписывание знака ментальному образу ситуации не есть отдельно приписывание знака ментальному образу и отдельно изображаемой ситуации, но одновременно относится и к тому, и к другому и есть обозначение символом связи между человеком и объективной ситуацией, которая воспроизводится в изображении. Для такой организации поведения необходимо допущение, что между знаком и обозначаемым существует объективная связь, что объективированный знак, запечатленный в материальном носителе, и есть обозначаемый объект и способен объективно заменять, замещать его [23, с. 32–44]. Знак, поставленный в соответствие с ситуацией, которой в действительности нет, но которая мыслится, есть с чисто биологической стороны нонсенс, абсурд, наделяемый смыслом только самими индивидами в контексте их социальных связей, в контексте культурно-исторического развития.

Тем самым оказывается, что специфические знаки первоначально в виде односложных выкриков закрепляются за определенными действиями. Но это же означает, что речь и искусство в данном аспекте – в «театральном действе» – феномены однопорядковые, и возникновение их одновременно.

Логика размышлений приводит Б.Ф. Поршнева к выводу, противоречившему принятым тогда взглядам, когда основой речи полагали либо междометия, либо качественные прилагательные, объединяющие разнородные по существу, но общие по внешним признакам явления. Первые слова, по выводу Б.Ф. Поршнева, обозначали действия и были глаголами.

Это прозорливое суждение оказалось основательно аргументированным в 80-е гг., благодаря исследованиям советских ученых, опиравшихся на российскую школу лингвистики и достижения в языкознании гумбольтовской европейской традиции. Анализ совокупности существующих живых и мертвых языков привел к обнаружению всего четырех общих корнеслов, имеющих глагольное значение: ‘-*bhau-‘ – бить, рубить: ‘-*uer-‘ – связывать, двигаться по кругу; ‘-*kes(res)-‘ – кусать, резать (двойной звук k, r связан с его первоначальной недифференцированностью); ‘-*gn-‘ – идти, гнать, гнуть [24, с. 24–34]. Как и четыре химических элемента, лежащих в основе молекул нуклеиновых кислот ДНК, РНК, склеивание этих четырех корней с дальнейшей дифференциацией звуков («*» – означает гортанное придыхание, «-» – возможность склеивания корнеслов друг с другом в любом сочетании) дает не только все множество слов в каком-либо языке, но и все множество – более 2 000 – существующих языков [25, с. 54].

Следует, однако, указать на общий недостаток всех концепций, в том числе и только что рассмотренной, происхождения речи, а именно отсутствие внимания к ритмико-интонационному аспекту зарождения языка. И ритмика, и интонации изначально должны были нести значительный объем информации как об изображаемой ситуации, так и о ее эмоциональной составляющей. Но ритмико-интонационное оформление эмоционально насыщенной нарождающейся речи есть в то же время рождение музыки, которая по определению есть эмоционально насыщенное подчиненное ритму расположение различных по силе, высоте и длительности звуков.

Современные языки, конечно, основную часть информации несут в согласных звуках, которые мало податливы в отношении длительности и высоты. Это обстоятельство дает возможность не слишком увлекаться четкой артикуляцией гласных звуков. Но сохранившиеся древние языки – те, о звучании которых сохранилось знание (например, древнегреческий, латинский, санскрит) – в значительно большей степени требовали различения гласных, по крайней мере, по длительности звучания, что порождало многочисленные дифтонги, трифтонги и даже четырехзвучия (реконструируемый праиндоевропейский язык), придавая речи особую музыкальность. Недифференцированность звуков в праязыке (и гласных, и согласных) делала необходимым их информационное насыщение в зависимости от длительности звучания, заставляло обязательно между двумя согласными звуками вставлять гласный, каким бы кратким или долгим он бы ни был, а это придавало языку характер речепения. Кстати, логопедическое лечение косноязычия, в том числе заикания, и сегодня осуществляется пропеванием звуков, когда пациенту рекомендуется не говорить, а петь слова и фразы и начинать их по возможности с гласного звука.

Единство речи и музыки подчеркивается этимологическим родством – в немецком ‘singen’ и ‘sagen’ (петь, говорить), в славянских ‘баять’ и ‘петь’. Однако также безусловно родство славянского ‘петь’ и латинского ‘poeta’ (поэт) с корнесловом ‘-*bhau-‘, а ‘singen’ и ‘sagen’ с корнесловом ‘-*kes-‘. И если во втором случае этимология дает восхождение к смыслу «нарезать звуки», то в первом случае она приводит к значению «отбивать ритм, отбивать такт». Используя методологические приемы Э. Бенвениста [26] и объединив оба смысла, мы получаем общий круг участников, посредством «речепения» звуков как опорных знаков воображающих, представляющих себе отсутствующую ситуацию, заражающихся ею и понимающих смысл изображаемого действа. Одни из акторов звукодействуют в процессе ролевого представления ситуации, другие поддерживают ритм, такт и темп. Тем самым знак генетически характеризует образ действия и является именем действия, производимым и воспринимаемым, во всяком случае первоначально, посредством совместного речепения участников коммуникативного процесса.

Между прочим, и сегодня процесс понимания речи коммуникатора реципиентом, что особенно очевидно при коммуникации на языке, иностранном для реципиента, не слишком хорошо им владеющим, осуществляется посредством внутреннего проговаривания слышимых слов. Да и на родном языке внутреннее проговаривание слов является необходимым моментом понимания смысла высказываний. Это лишний раз подчеркивает факт совместного деятельного, сотворческого участия в речевом акте и коммуникатора и реципиента.

Среди языков, конечно, наиболее изученными европейской наукой являются индоевропейские языки. Причем общий вывод таков: современные языки выступают как значительно упрощенные по своей грамматике. Обогащение их словарного состава имело оборотной стороной обеднение грамматических форм. Древние, мертвые индоевропейские языки компенсируют узость словарного состава тонкой передачей смыслов за счет предельно усложненной грамматики. Сказанное в еще большей мере относится к реконструируемому праиндоевропейскому языку эпохи ранней бронзы и неолита. Впрочем, есть и примеры не индоевропейской языковой семьи племен, пребывающих в стадии неолита, с крайне примитивным словарным запасом и грамматикой. Поэтому индоевропейский пример вряд ли можно трактовать излишне широко. С другой стороны, все же ясно, что в палеолите речь не могла содержать сложных грамматических форм и мощного словаря. И если «тема» ситуации была задана информационной лакуной и включенностью участников общения в ситуацию до и после информационного пробела, то оттенки мысли и «рема» ситуативных значений могли в полном объеме передаваться и быть понятными только в интонационном ключе – через музыку речи.

Характерно, что исследование языков показывает их единство в интонационном аспекте. Передача приказа, просьбы, вопроса и спокойного рассказа осуществляется интонационно одинаково в повелительной, вопросительной или повествовательной форме вне зависимости от используемого языка. Различие же данных форм, ввиду отсутствия каких-либо извне заданных, объективных для него, природных, биологических оснований, следует считать изначальным, своего рода «соглашением о терминах», и относящимся к моменту генезиса речи в исходном сообществе Homo sapiens или их непосредственных предков. В то же время интонационные особенности детерминированы самой речью и, безусловно, связаны, в первую очередь, с тем, что звуки речи производятся человеком при выдыхании. Тем самым, объем легких и скорость выдоха в процессе речи с неизбежностью разбивают ее на части. Изложение мысли, так или иначе, осуществляется в виде законченных фраз, интонация которых производна от более мелких делений – предложений, находящихся в соответствии с выдохом воздуха из легких. Забор воздуха создает деление, вызывая паузы между предложениями, внутри длинных предложений, в конце фраз. И в соответствии с движением воздуха из легких происходит понижение или повышение звука в конце предложения, регулируемое голосовыми связками, что и придает интонационную окраску приказа, просьбы, вопроса, утверждения и повествования.

Несмотря на различие тембров и специфичности каждого индивидуального голоса, в нем самом интонационный диапазон строится в пределах кварты вниз от «основного тона» и квинты вверх от «основного тона», что уже само по себе задает ту структуру, которую мы воспринимаем как музыку. Причем, множество языков мира отнюдь не соответствует множественности интонаций. Может показаться поразительным, но последняя остается общей для всех языков мира вне зависимости от их принадлежности к флективным, агглютативным, изолирующим или инкорпорирующим. Так, скажем, интонация крайнего удивления в вопросительном предложении характеризуется его окончанием на квинту вверх от «основного тона», звучащего в его начале, а интонация предельной уверенности в утвердительной фразе отличается окончанием на кварту вниз от него. Это особенно ясно слышно в двусложных словах с интонацией удивления-вопроса и утверждения. Например, фр. “oui?’ и “oui!” Близким звучанием обладает звательная интонация, скажем, интонация звательного падежа в тех языках, где он сохранился, и слов-возгласов со звательным значением. В качестве примера ее отражения и точного воспроизведения в музыке, когда в XIX в. доминировали риторические музыкальные приемы, можно привести партию Февронии из оперы Н. Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже и деве Февронии». В ней подряд дважды звучит возглас «Ау!», и оба раза второй звук отстоит от первого на чистую квинту вверх, но второе «Ау!» стоит на чистую кварту вниз от первого возгласа ($h^1 – fis^2$, $fis^1 – cis^1$).

Примечательно, что даже современная инструментальная музыка в отсутствие песенного голосоведения сохраняет эти речевые по сути особенности в интонационных риторических фигурах задержания при переходе от одного музыкального предложения к другому, подчеркивая тем самым грамотность исполнения, причем и тогда, когда специфика инструмента не требует вдоха или перемены в движении мехов.

С другой стороны, ритм дыхания человека зависит от скорости деятельности и эмоционального напряжения. Соответственно, при воспроизведении образа ситуации, доведения содержания событий и их эмоциональной нагрузки до понимания их реципиентами ритм речепения подчиняется ритму дыхания, воспроизводящему скорость действия и чувственную составляющую ситуации. Таким образом, налицо: во-первых, заданный и меняющийся ритм; во-вторых, интонационная игра звука по высоте и силе. Речь и музыка выступают в своем первоначальном и неразрывном единстве.

Сказанное не отменяет, а скорее подчеркивает, что связь знака и обозначаемого остается объективно абсурдным субъект-объект-субъектным отношением, в котором вера

в значение знака, принятие на веру смысла знака является существенным моментом коммуникативного акта.

Аргументом в пользу такой трактовки выступает также факт использования музыки в магических обрядах, где она предстает не в качестве независимого феномена или простого сопровождения, но как сущностный пласт и содержание самих ритуалов. Она призвана не столько усилить колдовское действие, сколько непосредственно представляет само это действие. Нет такого магического обряда, который не содержал бы «словесную формулу», воспроизводимую с ритмико-интонационными особенностями, или не использовал бы какой-либо музыкальный инструмент, начиная от колыбельной, убаюкивающей младенца, и заканчивая шаманистским обрядом вызова дождя.

Причем, очевидно, что многие действия, осуществляемые сегодня без всякой мысли о связи их с магическими представлениями, своими психологическими корнями на самом деле по существу уходят в магию, о чем свидетельствует их словесное сопровождение, которое с точки зрения рационального понимания представляет собой полную бессмыслицу. Подобно магическим заговорам, в большей мере рассчитанным на ритмико-интонационное подсознательное воздействие на психику человека, колыбельные, например, песнопения, сохранившиеся фольклорные фрагменты обрядовых песен просто лишены смысла в сочетании используемых слов. И дело не в том, что смысл их был утрачен вследствие исторического изменения словарного состава языка. Словесный смысл не присутствует в них изначально, так как создаваемый образ принципиально иррационален. В качестве примеров:

1. «Ой, люли, ой, люли, / Прилетели гули. / Стали гули ворковать / Нашу лялечку качать…»;
2. «Летят гуськи, дубовы носки, / Кричат гуськи шепеты-лепеты: / Гости и гостейки, из кути, по лавке, вдоль по скамейке, / Приказали нам – кланяться вам!» [27, с. 564];
3. «Да у утушки, да у серенькой / Да короткие ножки. / Ой, лёпи, али-лёп-лёпи, / Да короткие ножки. /Ой, у Марьюшки, у Ивановны / Да молодые гости» [28, с. 93].

Перед нами набор звуков, ритмикой и интонацией в колыбельной песне призванных вызвать доминирование длинных волн мозговой активности, возникающих при погружении в сон и отвечающих за состояние сна и покоя при соматической релаксации. То же относится и к другим подобным примерам, где значение имеет чередование гласных, создающих ритмический рисунок слогов, как в древнегреческой поэзии чередование долгих и кратких гласных звуков порождало своеобразную рифмо-ритмическую структуру. Здесь высвечивает себя различие речи и пения. В речи все более информативными становятся согласные звуки, в пении значимым остается длительность гласных в последовательности с краткими и носовыми гласными.

Магия общепризнанна одной из первобытных форм религиозных верований. Археологические свидетельства возводят ее генезис к самому началу верхнего палеолита и дальше к эпохе мустье [29, с. 58]. Однако споры среди религиоведов – что было раньше: магия [30, с. 92–93; 31, с. 60–61], тотемизм, фетишизм или анимизм – заставляют немного задержаться на этом вопросе. Тотемизм при всей его религиозной оболочке [32, с. 21] следует считать не столько формой религиозных верований, сколько первобытным, единственно доступным на тот момент времени и естественным способом счета родства между родами, облаченным в мифологические предания. Поскольку тотемистические обряды совершаются с использованием магических приемов и с обращением к магическим представлениям, вряд ли тотемизм мог предшествовать магии, в особенности если учесть самостоятельное существование последней. То есть тотемизм не существует без магии, но магия существует без тотемистических представлений, что ставит их происхождение позднее собственно магии. То же самое можно сказать и о фетишизме: сила действия фетиша освящается магическими верованиями, но далеко не во всех магических обрядах используются фетиши, даже в качестве заместителей реальных

объектов и явлений. Правда, при расширенном толковании фетишизма, включив в него не только веру в сознательно-личностную силу некоторых вещей, но и всех предметов и явлений, в частности явлений природы, мы приходим к анимистическим представлениям. К тому же, можно сказать и так: фетишизм есть вера в то, что сознательно-личностные силы вещей (а в указанном расширенном понимании – и явлений) воздействуют на человека и окружающую его действительность. В то время как магия есть вера в то, что человек посредством осуществления определенных ритуалов и произнесения заклинаний может воздействовать на предметы, их свойства и явления. Тем самым фетишизм и магия находятся в естественном родстве друг с другом, но их генезис восходит к анимистическим представлениям [33, с. 12–13].

«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» [34]. Возникновение речи и появление религиозных верований – однопорядковые события. Момент, когда словами, обозначающими действия, начинают обозначать предметы и их свойства, есть момент возникновения религиозных представлений. Во-первых, потому что отсутствие между знаком и обозначаемым непосредственного родства, наделение знака смыслом только в процессе общения между индивидами уже требует акта веры – веры в значение знака. Во-вторых, отглагольность существительных, прилагательных и причастий переносит на сами предметы и их качества идею действия, что наделяет их значением самостоятельной силы, активной независимо от воли и разума человека. Происходит осознание этих действующих сил, наделяемых человечески личностными чертами. Тем самым анимизм следует считать первоформой верований. Но если все вокруг насыщенно личностными силами, то и силы личности человека не только подвержены им, но и сами могут (и практическая деятельность подтверждает это) оказывать на них действие. И не только реально физическое, но и мистическое, волевое – одним представлением, одной силой мысли, умноженной соблюдением обрядов (в том числе, ритуалов, традиций) и произнесением/пропеванием магических словесных формул.

В логике данного философско-культурологического построения не следует, однако, опускать существенную деталь. Дело не только в том, что само человеческое слово содержит силу, пробуждающую представление об образе действия, что, как следствие, порождает анимистические представления [35, с. 412], но также и в том, что весь окружающий мир наполнен звуками, являющимися информативными для человека, неизбежно живущего в природе. Предметы и явления не только одушевлены, с анимистических позиций, но еще и звучат или сопровождаются звуками – говорят с человеком. И так же как существует музыка человеческой речи, так музыкой насыщен и весь окружающий человека мир. Например, по признанию Рихарда Вагнера, лесная сцена «Зигфрида» была создана им под впечатлением рощ Зильталя, и природным шумам он дал художественную обработку, поместив ее в партитуру второго акта названной оперы [36, с. 307].

Резюмируя сказанное, следует подчеркнуть, что в единстве происхождения языка, религии и искусства ключевым звеном выступает не столько язык сам по себе, сколько специфика восприятия и воспроизведения звуков человеком, специфика, которая характеризуется чувством гармонии. Язык, не подчиненный музыкальной гармонии, не представляет собою членораздельной речи. Поэтому отнюдь неслучайно в ходе своих размышлений Ф. Ницше приходит к выводу о рождении греческой трагедии из духа музыки [37, т. 1, с. 154–155]. Этот вывод необходимо усилить утверждением, что не только из всех видов искусства музыка является первейшим, но она же лежит в основе происхождения языка, а соответственно и религиозных представлений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *I Царств 16: 14–23, 19: 8–10.*
2. *Шестаков В.П. От этноса к аффекту. М., 1975.*

3. *Людвиг Ван Бетховен / ред. Софронов Ф., Житкова А. М., 2008.*
4. *Адорно Т.В. Введение в социологию музыки: 12 теоретических лекций. М., 1973. Вып. 2.*
5. *Анчел Е. Мифы потрясенного сознания. М., 1979.*
6. *Герасимов М.М. Люди каменного века. М., 1964.*
7. *Иванов В.П. Человеческая деятельность – познание – искусство. Киев, 1977.*
8. *Рогинский Я.Я. Проблемы антропогенеза. М., 1977.*
9. *Спивак Д.Л. Лингвистика измененных состояний сознания. Л., 1986.*
10. *Тайлор Э.Б. Первобытная культура. М., 1989.*
11. *Токарев С.А. Ранние формы религии. М., 1964.*
12. *Фольклор Дона и Кубани: сб. первый / отв. ред. Бусыгин А.И. Ростов н/Д, 1938.*
13. *Фрезер Д.Д. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М., 1986.*
14. *Фрейд З. Тотем и табу. М., 1997.*
15. *Шестаков В.П. От этноса к аффекту. М., 1975.*
16. *Chomsky N. Aspects of the Theory of Syntax. Camb., Mass., 1965.*
17. *Андреев И.Л. Происхождение человека и общества. М., 1988.*
18. *Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. М., 1974.*
19. *Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М., 1966.*
20. *Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. М., 1974.*
21. *Chomsky N. Aspects of the Theory of Syntax. Camb., Mass., 1965.*
22. *Лукичев П.Н. Методологические предпосылки исследования исторической типологии личности: автореф. дис. … канд. философ. наук. Ростов н/Д, 1991.*
23. *Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф: Труды по языкознанию. М., 1982.*
24. *Маковский М.М. Удивительный мир слов и значений: иллюзии и парадоксы в лексике и семантике. М., 1989.*
25. *Кнышенко Ю.В. История первобытного общества и основы этнографии. Ростов н/Д, 1965.*
26. *Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов / пер. с фр. общ. ред. и вступ. ст. Степанова Ю.С. М., 1995.*
27. *Обрядовая поэзия / сост., предисл., примеч., подгот. текстов Жекулиной В.И., Розова А.Н. М., 1989.*
28. *Фольклор Дона и Кубани: сб. первый / отв. ред. Бусыгин А.И. Ростов н/Д, 1938.*
29. *Токарев С.А. Ранние формы религии. М., 1964.*
30. *Тайлор Э.Б. Первобытная культура. М., 1989.*
31. *Фрезер Д.Д. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М., 1986.*
32. *Фрейд З. Тотем и табу. М., 1997.*
33. *Лосев А.Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957.*
34. *Ев. Иоан. 1.*
35. *Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф: Труды по языкознанию. М., 1982.*
36. *Вагнер Р. Моя жизнь. М., 2003.*
37. *Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки: соч. в 2-х т. М., 1990.*

IN THE BEGINNING THERE WAS A MUSIC…

Bobyleva N.V., *Engineer of South Russian State Technological University, postgraduate student of South Russian State Technological University*

In the article the problem of genesis of music as art form is considered. Role of sense specific to the person of musical sounds, of intonation and rhythmics in the course of occurrence of language and religious representations on the basis of the data of ethnography, linguistics,

folklore materials and psychology is elucidated. By definition the emotionally rich music is disposition of sounds various on force, height, duration and subordinated to rhythm, therefore the arising of emotionally rich language at the same time is the music birth.

***Key words**: genesis of music, genesis of speech, division of labour, need to fill information lacuna, empathy and suggestion, image of lacking situation, theme and rheme of a situation, rhythm, intonation, sprechgesang, unity of music and speech, religious representations and ritual music.*

УДК 316(470.620) (470.63) (470.61)

ВОССТАНОВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ В КРАСНОДАРСКОМ, СТАВРОПОЛЬСКОМ КРАЯХ И РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

***Е.А. Чайка,** доцент кафедры правовых дисциплин Славянского-на-Кубани государственного педагогического института, кандидат исторических наук*

В статье на основе анализа широкого круга источников рассмотрены процессы, проходившие в социально-экономическом развитии села в послевоенные годы. Исследованы социальные проблемы в послевоенный период. Показаны основные направления деятельности советского государства по восстановлению народного хозяйства Юга России.

***Ключевые слова:** социальная политика, средства производства, средства потребления, кооперативная торговля, кредитование, фонды потребления.*

Победа в Великой Отечественной войне досталась Советскому Союзу ценой огромных людских потерь, о количестве которых до сих пор ведутся дискуссии. Итог войны может быть определен только приблизительно, путем сопоставления различных статистических данных. Последние исследования, основанные на методе демографического баланса, который оценивает людские потери в результате военных и иных действий противника, повышения уровня смертности в тылу, прифронтовой полосе и на оккупированной территории, дают цифру 26,6 миллионов человек [1, т. 3, с. 469–470].

Однако, кроме погибших и умерших, война оставила значительное количество инвалидов, численность которых в 1946 г. составила 2 575 694 человек [2, т. 2, с. 234].

Почти полмиллиона жизней отдали жители Кубани [3, с. 162], среди погибших в основном молодые, работоспособные люди. Подсчет поименных людских потерь, нашедших отражение в краевой «Книге Памяти», показывает, что только в ходе военных действий край потерял 469 255 человек [4]. За годы войны в города, села и аулы Ставропольского края не вернулись с фронта более 180 тыс. воинов [5].

Образованная в марте 1943 г. краевая комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков на Кубани действовала 6 лет. По данным комиссии, в Краснодарском крае было убито, замучено оккупантами и их пособниками 61 540 человек, из которых более 58 тысяч жертв опознать не удалось – погибшие были обезображены до неузнаваемости. Некоторая часть сельских жителей были вывезены на казнь в другие населенные пункты и похоронены в братских могилах [6, с. 315].

Учетом угнанного населения занимался переселенческий отдел Краснодарского крайисполкома. По состоянию на 15 августа 1947 г. в его распоряжении были следующие цифры: за период оккупации с территории Краснодарского края насильственно угнано 130